

тыи ногти подле тых кладывали, на которых мели на тую гору лезти и на суд до бога ити. А так, ачколвек поганый были, а вжиж потом себе знаменали и в бога одного вѣрили, иж судный день мел быти, и вѣрили з мертвых востаню и одного бога, который мает судити живым и мертвым” [4, с. 92]. Гэты фрагмент адметны тым, што адлюстроўвае працэс дапасавання паганскіх ідэй да хрысціянскага веравучэння. Аўтар падкрэслівае, што старажытныя балты хоць і былі паганцамі, але ўсё адно трымаліся веры ў аднаго бога, божы суд і ўваскрашэнне. А праз гэта хрост Літвы летапісцам падаецца і ўспрымаецца цалкам заканамерным крокам. Бог у дадзеным выпадку яшчэ не хрысціянскі, але паганскі Dievas, імя якога ўвайшло ў літоўскі хрысціянскі іменаслоў, як гэта адбылося з лацінскім Deus ды славянскім Бог.

У завяршэнні вылучым асноўныя высновы, якія можна зрабіць на падставе адзначаных назіранняў:

1) Інфармацыя пра літоўскае паганства ў помніках летапісання ВКЛ адпавядае гістарычнай рэчаіснасці, што пацвярджаецца архэалагічнымі, этнаграфічнымі, фальклорнымі і лінгвістычнымі звесткамі. Аўтары не толькі пераказвалі вядомыя паданні, але з’яўляліся сучаснікамі жывых захаваных традыцый.

2) Паведамленні лагічна ўпісаны ў агульны аповед, які раскрывае гісторыю дзяржавы. Паганства не ўспрымаецца чужой з’явай, не выстаўляецца ў негатыўным святле, але выступае неад’емнай часткай уласнай культурнай і гістарычнай літоўскай традыцыі, да якой ставяцца з павагай.

3) Звесткі пра літоўскае паганства аўтары выкарыстоўвалі ў кантэксце “рымскай легенды”, былі дадатковымі аргументамі на карысць яе праўдзівасці і адным з доказаў рымскага паходжання літоўскай шляхты.

1. Галицко-Волынская летопись: текст, комментарий, исследование / составители: Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин. – СПб. : Алетей, 2005. – 421 с.
2. Мальдзіс, А.І. Невядомы помнік палемічнай літаратуры XVII ст. (“О образех, о реликвиях”) / А.І. Мальдзіс, І.І. Крамко // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 24. – 1983. – С. 57–61;
3. Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроника: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / сост., авт. предисл. и ред. т. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1975. – 233 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи Белорусско-литовские / сост., авт. предисл. и ред. т. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1980. – 305 с.
5. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Т. 1: А–Б / [В. У. Мартынаў і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 440 с.
6. Razauskas, D. Balvonas: skolinys ar veldinys? / D. Razauskas // Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankirtos. Балты и славяне: пересечения духовных культур. – Vilnius, 2014. – P. 115–131.

Кудрявцева Р.-Е.А.

РУСЬ И ЛИТВА: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА В РУССКИХ И БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Образ Руси и Литвы в русских и литовских летописных источниках формировался как форма отражения исторической реальности. Собственно понятие «образ» – философская категория, отражающая результат и форму отражения объекта в человеческом сознании, чьим материальным образом являются различные языковые модели.

Образ Руси и Литвы в летописях строился на основании реальных событий прошлого, известных летописцу лично или по рассказам очевидцев или полученных путем многоэтапной передачи фактов от очевидца к летописцу, обработанных в сознании летописца. Тогда в летописи сообщение о событии будет представлено в виде образа, сочетающего в себе черты реальности объективной и ее отражение в восприятии и оценке автора летописи.

Изучая летописи, нужно учитывать то, что они отличаются от других источников, так как носят субъективный характер, создаются летописцем, вкладывающим в их создание не только свой труд, но и свое видение событий, отношение к ним и их интерпретацию.

На содержание и характера образа влияли условия и способы формирования. К этим условиям могли относиться и место написания летописи, и родина летописца, и удалённость летописца от места событий, род его занятий, сословная принадлежность, приближенность к политическим деятелям и дворам, степень литературного таланта. Все эти условия могут влиять на восприятие авторами летописей исторической действительности. Также важным фактором яв-

ляются свойства субъекта, создающего образ, такие как: возраст, жизненный опыт, кругозор, определённый взгляд на события и окружающий мир.

Во-первых, уже изначально трудно определить авторскую позицию и даже понять, с одним или более авторами мы имеем дело. Во-вторых, не всегда летописец сам был свидетелем описываемых им современных событий и, значит, пользовался сообщениями и рассказами других людей и на его собственное отражение действительности оказывал влияние тот образ, который он получил от очевидца. В-третьих, летописец писал не для себя, он всегда представлял интересы заказчика летописи – своего князя или церковного иерарха и, значит, некоторые элементы образа того, о чем летописец пишет, были уже заданы заранее [5]. В-четвертых, описывая события, автор пропускал их через свое собственное восприятие, свою систему ценностей и приоритетов. В-пятых, на образ, создаваемый летописцем, оказывала влияние летописная традиция, сложившаяся ранее и созданные ранее определенные каноны описания сходных событий, явлений, персоналий.

Немаловажным фактором являются также свойства субъекта, воспринимающего образ, того, кто читает летопись и пользуется ею. Особое место среди них занимали те, кто продолжал традиции повествования о важнейших событиях на Руси и в Литве. Кроме того, восприятие современной им действительности влияло на объяснение событий прошлого с точки зрения современности. Таким образом, можно сказать, что летописный образ транслировался в обе стороны временной оси: служил канонем для понимания событий последующих и влиял на восприятие событий прошлого.

В летописи, как в историческом и литературном произведении, сочетаются фактический «*в року 1515 ... князь московский, зараз послал войска ...на пустошене Литвы... и была война великая, бо-москвы было пятькротболи, нижруси и литвы*» [8] и художественный компонент «*вЪто 1515. ВасилейИвановичь, великый князь московскый, преступив докончание и крестное свое цБлование, имБа ненасытную утробу лихонмБниа, некоторыигорода, очину и дБдинувеликагославнаго господадаря Жикгимонта, короля полского и великаго князя литовского и руского, почал поседати и славныивеликый град Смолнеск взял, бо нет пуцаго человеку как въждеденечюжогоимБниа, и кроткаго и смирБнаго немилостива и некротка чинить*» [4]. Помимо формальной констатации и описания фактов, событий и персоналий, летопись носит черты индивидуальности автора. Летописцы, как люди, которым «ничто человеческое не чуждо», входящие в круг образованных людей своего времени, осознанно или не осознанно вносили в «погодную» запись событий свои оценки, комментарии и свое собственное восприятие происходящего или свое отношение к прошлому. Летописец, если он обладал литературным талантом, неизбежно привносил в сухую фактуру летописи яркие и красочные оценки. Именно поэтому исследование летописи как литературного памятника предоставляет историку-исследователю дополнительные возможности для получения исторической информации. Таким образом, историческая канва в летописи не только тесно переплетена с литературной, но, в случаях дефицита у летописца исторической информации литературная составляющая может выходить на первый план.

Летописный образ правителя, события, народа, государства должен был соответствовать идеалам, сформировавшимся в обществе и донести черты этого идеала до читателя летописи, для чего летописцы обильно пользовались «белой» (для «своих») «*вЪто 1225. Тои же зимБприидоша Литва, и повоева около Торжьскубецисла... Князь же Ярославъ... поидоша по них... и тако, божицею помощю и святыиСофБя, отъймавъвсеполонъ, а самых избиша 2000, а прочииразбБгощая...*» [6] и «черной» (для «чужих») красками: «*В год 1270. Начал княжить в Литве окаянный, беззаконный, проклятый, немилосердный Тройден; а злодеяния его описать не можем: уж очень позорны. Он был такой же беззаконник как... Ирод Иерусалимский, Антиох Сирийский и Нерон Римский и иных много, худших, чем они беззаконий учинил...*» [1, с. 367]. Метод противопоставления в этом случае используется летописцем в качестве художественного средства для создания нужной исторической информации, а там, где летописец увлекается и превращается в писателя, он чаще проговаривается об исторической правде, чем во фрагментах, посвященных изложению событий.

Характерной чертой художественного образа Руси и Литвы в летописях является проникновение религиозного элемента в описание чисто светской деятельности персонажей летописи. Таким образом, в условиях религиозного средневекового мировосприятия, религиозная состав-

ляющая в определении позиции «свой-чужой» являлась наиболее действенной для создания образа врага.

Совсем по-другому подходит летописец к оценке своего князя. Летописцы описывали своего князя, с точки зрения его положения и общественного статуса. Князь предстаёт, прежде всего, защитником своего народа. Когда летописец говорит о противоборстве своего князя с чужим, он также оценивает своего правителя с религиозной точки зрения, на этот раз с положительной.

Основными компонентами содержания образов Руси и Литвы в русских и литовских летописях являлись: князь, войско, люди. Основным образующим компонентом содержания образа является князь, как в русских, так и в литовских летописях. Это можно объяснить тем, что для русских летописцев князь являлся обобщением всех компонентов образа. Деяния князя заменяли собой деятельность государства, а оценки князя совпадали с оценкой его страны, заменяя ее собой. В литовских же летописях князь (как свой, так и чужой) не играл такой системообразующей роли, не вытеснял собой другие компоненты образа страны. В литовских летописях действуют и войска, и полководцы, иногда даже народ, но, конечно, князь также остается основным компонентом образа. Таким образом, можно сделать вывод о том, что различия в политической традиции между Русью и Литвой, усугубляясь с течением времени, приводили к формированию различных стандартов оценивания государственной деятельности в летописях обеих сторон. В русской летописной традиции, особенно с прекращением летописания во всех русских землях, кроме Москвы все более начинала господствовать точка зрения, выраженная Н.М. Карамзиным в посвящении к «Истории государства Российского» – «История народа принадлежит царю» [3, с. 16] и более того, он ее и творит. В литовских источниках продолжает сохраняться традиция отражения деятельности трех, еще древнерусских политических институтов: князя, аристократии и свободного населения.

У авторов летописей были очень жёсткие параметры оценивания: хорошо и плохо. Критерием же служит принадлежность «свой-чужой», от этой принадлежности зависит, по каким правилам князь оценивается: если свой – только с хорошей стороны, если чужой – то, в основном, только с плохой. Если же «чужой» князь в данный исторический момент принимал сторону «своего» князя, то летописец тут же менял своё отношение к нему и применял уже положительные краски как к своему. Здесь стоит вспомнить о яркой и запоминающейся оценке короля Польского и великого князя Литовского Стефана Батория во время осады им Пскова. Русский автор применяет потрясающие сравнения, создает невероятные неологизмы, имеющие, конечно, религиозную окраску для того, чтобы показать отрицательные качества короля и его соратников. Король Стефан описывается как *«неистовый зверь, неуполимый аспид, дикий вепрь пустыни, лютый великий змей»* [7, с. 353], а его войско – это *«змеи на крыльях и мёртвотрупоедающие псы»* [7, с. 353]. Пример оценки князей противоположной стороны, но защищавших русскую землю, можно вспомнить оценку двух литовских князей Ольгердовичей, Дмитрия Полоцкого и Андрея Брянского, которые мужественно сражались в Куликовской битве. Их русские летописцы оценивают уже не как князей «чужих», а как «своих», называя храбрыми сыновьями Литвы, кречетами в ратное время и прославленными полководцами *«храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча впоены в Литовской земле»* [2, с. 171].

Оба сложившихся образа постепенно стали нести в себе черты стереотипного восприятия Руси и Литвой друг друга. Именно этот упрощённый устойчивый образ создавали летописцы, как русские, так и литовские и использовали его на протяжении нескольких веков. Согласно формулировке понятия стереотип, он создается в условиях дефицита информации, но летопись излагала строго отобранные события, характеризующие политическую и военную деятельность правителей, освещая правителя как носителя власти, если же упоминаются и оцениваются его качества, того это, как правило, черты, которые должны присутствовать у носителя власти, будь он русский или литовец. Поэтому дефицит информации связан не с её количеством, а с ограниченным её источником.

Место стереотипного восприятия противоположной стороны в литовских и, особенно, в русских исторических источниках очень значимо. С течением времени стереотипы закреплялись не только традицией, но и постоянным переписыванием летописей, транслировались, усиливались и занимали все более значительное место в образах противоположной стороны. Сте-

реотипное восприятие Русью и Литвой противоположной стороны становилось всё более отрицательным, всё более отрывалось от действительности и к концу XVI века практически вытеснило другие виды оценок и стало основополагающим. Это особенно касается русских источников, где в XVI веке стереотипы составляли около 85% всех оценочных суждений о Литве. Литовские же летописцы создали стереотип русского князя более близкий к реальности, чем русские, более адекватно оценивая русских князей, соответственно их поступкам и политике и, практически не создавая из них чудовищ.

1. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981.
2. Задонщина // Воинские повести Древней Руси. – Л., 1985.
3. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1882. – Т. 1.
4. Краткая волынская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izbornyk.narod.ru/psrl3235>. – Дата доступа: 01.02.2019.
5. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/ch3.htm>. – Дата доступа: 01.02.2019.
6. Новгородская первая летопись младшего извода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.narod.ru/novglet/novg.htm>. – Дата доступа: 01.02.2019.
7. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси. – Л., 1985.
8. Хроника Литовская и Жамойтская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izbornyk.narod.ru/psrl3235>. – Дата доступа: 01.02.2019.

Казакоў А.У.

ПОЛЬСКА-ЛІТОЎСКІЯ ПАВЕДАМЛЕННІ ПРА БІТВУ ПАД ОРШАЙ 1514 Г.: ДЗВЕ ГІСТОРЫІ АДНОЙ ПАДЗЕІ

Бітва пад Оршай 1514 г. была адной з найбуйнейшых бітваў за ўсю гісторыю войнаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім (Рэччу Паспалітай) і Маскоўскай дзяржавай. Ужо сярод сучаснікаў яна была вядомая як “Вялікая бітва” і атрымала параўнаўча неблагое адлюстраванне ў крыніцах. Аднак, дайшоўшыя да нас звесткі не дазваляюць скласці адназначнай карціны, і шэраг пытанняў застаецца дыскусійным. Выхад манаграфіі расійскага даследчыка А. Лобіна, якая выклікала як станоўчыя, так і крытычныя водгукі, даў новы магутны імпульс “Оршазнаўству” і ажывіў дыскусію, у т.л. па крыніцазнаўчым аспекце. Што тычыцца апісання самога ходу бітвы ў крыніцах, створаных у стане пераможцаў, то можна заўважыць пэўныя разыходжанні. Гэта работа з’яўляецца спробай патлумачыць, чаму яны паўсталі.

Найбольш раннім паведамленнем пра бітву з’яўляецца ліст папскага легата Піза да свайго прыяцеля Ёгана Карыцыя, які быў напісаны ў Вільні 26 верасня 1514 г. [2, с. 203–204] Аповяд, які ўтрымлівае больш дэталей самой бітвы 8 верасня, належыць Станіславу Гурскаму [4, с. 4–5]. Ён быў сакратаром кракаўскага біскупа Пятра Таміцкага, а пасля яго смерці – польскай каралевы Боны. З 1535 г. Гурскі актыўна збіраў гістарычныя дакументы, якія аб’яднаў у шэраг тамоў, пазней выдадзеных пад назвай *Acta Tomiciana* (“Акты Таміцкага”). Апісанне Аршанскай бітвы ўтрымліваецца ва ўступе да трэцяга тома, у якім Гурскі памяці і згаданае вышэй пасланне Піза, а таксама іншыя помнікі, датычныя ваеннай кампаніі 1514 г. (нядаўна быў зроблены пераклад гэтых дзвюх і іншых лацінамоўных крыніц на беларускую мову [5]). Прыблізна адначасова з Гурскім працаваў над стварэннем сваёй хронікі сакратар польскага караля і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога Бернард Вапоўскі. Яго аповяд пра Аршанскую бітву вельмі сціслы, але ўтрымлівае арыгінальныя звесткі [6, с. 119–120].

Блізкімі да нашых падзей па часе стварэння крыніцамі з’яўляюцца Хроніка Дэцыя, даведзеная да 1521 г. [7, с. 76], а таксама паведамленне Сігізмунда Герберштэйна, які першы раз наведваў Вялікае Княства Літоўскае ў 1517 г. [8, с. 83]. Пазнейшыя аўтары, такія як Марцін Бельскі і Мацей Стрыйкоўскі, апісваючы Аршанскую бітву, карысталіся працамі сваіх згаданых вышэй папярэднікаў. Выключэнне складаюць “Гетманскія кнігі” Станіслава Сарніцкага, напісаныя дзесьці ў 70–80-х гг. XVI ст. Яны ўтрымліваюць вельмі арыгінальны аповяд пра бітву, а таксама самую раннюю яе графічную схему [с. 362].

Ужо ў самых ранніх крыніцах легендарныя звесткі спляліся з гістарычнай рэальнасцю. У цэлым аповяд пра Аршанскую бітву зводзіцца да наступнай асноўнай момантаў. Калі “каралеўскае” войска прыйшло да Оршы, маскоўскія ваяводы адступілі на левы бераг Дняпра і